

холоде, не только пропивают свое верхнее платье, но и нижнее, даже рубаху с тела, и голышом выбегают из кабака домой. Даже женщины из просто-народья допиваются иногда до того, что оставляют платье свое под залог и голые, вытолканные из кабака, валяются от пьянства на улице и часто терпят ущерб своему целомудрию, которое и так не очень велико» (стр. 528—9).

Репутация пьяниц держалась за русскими прочно, и потому, например, Фоккеродт (Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Отгона Плейера. Перев. Шемякина. М., 1874), описывая татарскую конницу, говорит: «они самые трезвые, хорошие и прилежные люди, пока держатся магометанской веры... но зато согласившиеся креститься, зауряд пьяницы, преданы также и разным другим порокам, потому что побратались потом с русскими» (стр. 46).

Джон Перри почти целиком повторяет картины повального пьянства, знакомые нам по Олеарию. (Джон Перри капитан. Состояние России при нынешнем царе. Перев. Дондуковой-Курсаковой, М., 1871). «В народе, а также между священниками в праздничные дни существует обыкновение утром ходить в церковь, а после обеда напиться пьяным до ночи, и чем больше праздник, тем более это считается извинительным и обычным. В такое время, проезжая по улицам Москвы, в вечер великого праздника, вы видите священников, равно как и других людей, лежащих пьяными на улицах. Если кто-либо заговорит с ними или подойдут к ним, чтоб помочь им встать, они говорят: Воля твоя, батька, праздник, я пьян... Напиться пьяным нимало не считается непристойным для женщины, и не только женщины низкого происхождения, но даже знатные светские женщины нисколько не стесняются признаться, что они были пьяны и, возвращаясь в общество, где их угощали, благодарят за то, что их напоили, как за вежливость и любезность. Действительно в то время, когда я приехал в эту страну, и в течение нескольких последующих лет существовало обыкновение не только на больших праздниках, где присутствовал двор, но и в частном собрании приятелей, перед тем как гости разойдутся, напавать их до опьянения, а не то считалось, что прием не был достаточно радушен. Обыкновенно их приневоливали и заставляли пить, и доходило до такой степени, что двери и ворота замыкали, и к ним приставлялась стража, чтоб никто не мог выйти, прежде чем получит свою долю, а не то это считалось скупостью, и как будто хозяин не хотел радушно угостить приятеля». Перри отмечает, что в высшем обществе после 1705 г. этот обычай выводится, но «в среде простого народа еще господствует обычай